

Антифеминистские дискурсивные практики в российской онлайн-среде

Интернет открывает новые исследовательские возможности для изучения воспроизводства дискурсов и репрезентаций, отражающих социальные проблемы, с которыми мы сталкиваемся в реальности. Антифеминистский дискурс является одной из важных тем в настоящее время, при этом степень его теоретической разработки крайне мала, несмотря на различные существующие исследования репрезентаций гендерной и сексуальной идентичности в онлайн-среде [Chaplin, 2014; Rodat, 2014]. Исследователи не дают ответа на вопрос, из чего состоит антифеминистский дискурс и какие практики его воспроизводят. В данной работе мы попытаемся выявить, как конструируется антифеминистский дискурс.

В настоящее время Россия переживает возврат к гендерным ролям, свойственным патриархальной культуре. Более того, исследователи доказывают, что власть в России легитимируется через противопоставление гендерных и сексуальных идентичностей по отношению к западным. Таким образом, публичные дискурсы навязывают идентичности, противопоставляя патриархальные ценности как подлинные «бездуховному» Западу. Мы полагаем, что именно эта дихотомия искажает представление об идеях феминизма в сознании россиян. Обзор ряда статей показал, что феминизм как движение не до конца понимается людьми, вследствие чего, несмотря на то, что люди могут быть согласны с некоторыми идеями, они могут относиться к самому феминизму негативно из-за стигматизации феминистов(-ок).

При этом существует тенденция интенсификации антифеминистского дискурса, который стигматизирует феминисток как социальную группу и разделяет ряд предубеждений относительно феминизма как идеологии¹. Стоит отметить, что исследователи рассматривали феминистскую идентичность, однако антифеминистская идентичность и дискурс, соответственно, не были изучены вовсе. Работы, которые содержат концепт антифеминизма, определяют понятие расплывчато, не уделяя ему должного внимания. Мы ставим себе цель внести свой вклад в проблему конструирования антифеминистского дискурса.

На наш взгляд, в России феминизм воспринимается негативно, так как в целом не отождествляется с реальными целями движения – по двум базовым причинам: (1) в СМИ освещаются, в основном, случаи, связанные с радикальными феминистками, (2) идеи феминизма как «искажённые представления о гендерных ролях» ассоциируются с Западом, из-за чего россияне выстраивают свою идентичность как противоположную, а, следовательно, не принимают феминистский дискурс.

¹ Петиция за приравнение феминизма к терроризму собрала десять тысяч подписей, пишет газета Lenta.ru. [URL:<https://lenta.ru/news/2015/08/27/feminism/>] (Accessed: 02.06.2016)

Как любая идеология неравенства антифеминизм конструируется дискурсивно, поэтому мы проанализируем антифеминистскую критику посредством метода критического дискурс-анализа. В данном докладе мы рассмотрим, какие типы аргументаций (дискурсивных практик) используются против феминистских концепций, то есть попытаемся понять, почему критика феминизма в интернете принимает агрессивно окрашенные формы так называемого hate speech. Мы предполагаем, что среда социальных медиа позволит составить типологию репрезентаций “феминизма” и антифеминистских дискурсивных практик.

Дискурс-анализ проведён в ряде сайтов антифеминистской направленности и 40 дискуссий, состоящих из комментариев 8 отобранных публичных страниц в социальной сети «ВКонтакте».

Гендерная, национальная и сексуальная идентичность. Возможности пересечения

Гендерные исследования сформировались под большим влиянием социально конструктивистской парадигмы [Девятко, 2003]. Гендер является социальным конструктом и предписывается каждому человеку в зависимости от её/его пола [Здравомыслова, Тёмкина, 2015]. Гендерные отношения являются продуктом конкретной культуры и контекстуальны. Однако неизменно, они конструируются как отношения социального неравенства, отношения стратификации, которые необходимо рассматривать во взаимосвязи с другими социальными механизмами производства неравенства [Здравомыслова, Тёмкина, 2015].

Для постсоветского времени для России характерно наличие конфликтующих идеологий, которые транслируют различные представления мужественности и женственности [Здравомыслова, Тёмкина, 2015]. Современный период исследователи называют «неотрадиционализмом», так как новые идеологи апеллируют к представлениям о некоторой «традиции», которая нуждается в возрождении и описывает «истинную» мужественность и женственность как новые гендерные идентичности. В 1990-е гг. исследователи отмечали симптомы усиления гендерного неравенства (вытеснение женщины из публичного пространства, возвращение в сферу домохозяйства, феминизация бедности и безработицы, политическая эксклюзия). В 2010-е гг. эти тенденции усилились, сопровождаясь активным продвижением идеи о «естественном женском предназначении» в дискурсах церкви и власти.

Интенсификация представлений о традиции и гендерных идентичностях, понимаемых в рамках патриархальной культуры также сопровождается усилением гомофобии. Более того, ряд исследователей видят пересечение национальной и гендерной идентичности в России. Так, Олег и Татьяна Рябовы пишут, что власть в России легитимируется через

противопоставление гендерных и сексуальных идентичностей по отношению к западным; репрезентации женственности и мужественности конструируют национальную идентичность («Мы»). При этом гомофобия мыслится как «западный» феномен. Обратная сторона этого процесса включает демаскулинизацию «Других»: внешних и внутренних. Национализм, также, легитимирует гендерный порядок в российском обществе: гомосексуалы и феминисты маркируются как девиантные по отношению к гендерным идентичностям и, соответственно «российскости» (*Russianness*) [Riabov, Riabova, 2014]. Таким образом, публичные дискурсы навязывают идентичности, противопоставляя патриархальные ценности как подлинные по отношению к западным. Надо отметить, что идея о пересечении национальной и гендерной (и сексуальной) идентичностях находит своё отражение и в других исследованиях [Makarychev, Medvedev, 2015; Sremac, Ganzervoort, 2015. P.188].

Подводя итог, отметим, что мы определяем гендер рамках социального конструктивизма как «систему межличностного взаимодействия, посредством которой создаются, утверждаются и воспроизводятся представления о различиях мужчин и женщин, мужского и женского как о базовых характеристиках социального порядка» [Здравомыслова, Тёмкина, 2015. С.255]. В настоящее время в России происходит возвращение к патриархальным гендерным ролям, а также усиливается влияние церкви. Гендер становится ресурсом для определения национальной идентичности, которая конструируется как противоположная «западной» через репрезентации «истинных» ценностей – традиционных, семейных, гетеросексуальных. Гомосексуальная, равно как и феминистская идентичности, являя собой западные идентичности, всячески оспариваются и отвергаются.

Антифеминизм

Обзор существующих статей по антифеминизму показал, что антифеминизм является результатом взаимосвязи социальных и политических стратегий и текущих экономических процессов, сопровождающийся призывом к женщинам “возвратиться” к заботе о семье – домашней сфере, воспитанию детей и ведению дома, а также, мнением о ненужности и устарелости феминизма [Szelewa, 2014; Occhipinti, 1996; Anderson, 2014]. В целом исследователи отмечают, что нарастание общего протеста против коллективного феминистского движения сопровождается деполитизацией феминистских целей. Также, в рамках антифеминистской концепции женщинам приписывается гиперсексуальность и ответственность за все свои жизненные события – через концепцию выбора.

Для того чтобы определить понятие «антифеминизм», мы обратились к крупной работе о дискурсе и дискриминации Мартина Рэйзигла и Рута Водака [Reisigl, Wodak, 2001]. Мы рассмотрели, как исследуется расизм как идеология неравенства и доминирования для

того, чтобы по аналогии концептуализировать антифеминизм. Расизм является одновременно идеологией и дискриминационной социальной (в том числе дискурсивной) практикой, которая может быть институционально укоренена при поддержке властных социальных групп, пишут исследователи. Расизм основывается на иерархическом расположении групп, которые определяются как сообщества, объединённые происхождением; через которое группам приписываются определенные коллективные черты, которые полагаются неизменными [Reisigl, Wodak, 2001. P.8].

Основываясь на подходе к расизму Рэйзигла и Водака, мы определяем антифеминизм как идеологическую установку, которая конструируется через негативные предубеждения по отношению к феминизму как идеологии и феминисткам как социальной группе. Для данной установки характерны представления о гендерной идентичности в рамках патриархальной культуры и идеей о том, что межполовое равенство достигнуто, а мужчины даже иногда подвергаются дискриминации.

МЕТОДОЛОГИЯ

Теоретическим объектом данного исследования являются антифеминистские дискурсивные практики (некоторые высказывания, которые образуют дискурс, обладающий теми характеристиками, которые мы выделили в концепте «антифеминизм») и антифеминистские репрезентации феминизма. *Эмпирическим объектом* стали 40 дискуссий 8 публичных страниц в социальной сети «ВКонтакте» и содержание двух сайтов антифеминистской направленности.

Цель исследования: деконструировать антифеминистский дискурс через выявление дискурсивных практик и репрезентаций феминизма, исследуя онлайн-коммуникацию.

Задачи:

- выявить антифеминистские дискурсивные практики в дискуссиях отобранных публичных групп социальной сети «ВКонтакте» как коммуникативных событий, по Н.Фэркло
- описать репрезентации феминизма в заглавных статьях сайтов антифеминистской направленности как текстов, по Н.Фэркло
- описать антифеминистский дискурс через выявленные репрезентации феминизма и антифеминистские дискурсивные практики

АНТИФЕМИНИСТСКИЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Ранее мы писали о том, что антифеминизм, как и любая идеология неравенства, конструируется дискурсивно. Поэтому мы и исследовали непосредственно онлайн-

коммуникацию в рамках подхода критического дискурс-анализа. Мы опишем дискурсивные практики, каждая из которых укладывается в определённую тематику. Напомним, чтобы определить дискурсивные практики, мы рассмотрели 40 развёрнутых дискуссий-текстов, состоящих из комментариев пользователей «ВКонтакте». Те, комментарии, которые были против идей групп, при анализе непосредственно не рассматривались, но учитывались, чтобы понять смысл ответов.

Для антифеминистского дискурса одной из важных идей является тема *выбора* и смежная с ней тема *ответственности*. Женщинам приписываются любые возможности, при этом женщина сама выбирает, как ей распоряжаться телом или судьбой.

«Проблема современного феминизма в том, что многие требуют того, что в принципе не запрещено. Не хочешь готовить - не готовь, Христа ради, не хочешь сидеть с детьми - не сиди».

Тема выбора, как уже было отмечено, тесно переплетается с темой ответственности и накладывается как на дискурс сексуальности, так и насилия. Рассмотрим комментарий о физическом насилии:

«Нанес удар - вступил в драку. Вступил в драку - не удивляйся, что получил больше, чем оппонент, особенно, учитывая, что оппонент сильнее».

Насилие над женщиной оправдывается через концепции выбора и ответственности. Женщина оказывается в данном случае субъектом.

Ещё одной важной темой является идея о *традиции*. Здравомыслы и Тёмкина отмечают, что с 2010-х гг. усилились референции к какому-то общему представлению о «традиции», из-за чего нынешний период исследователи назвали «неотрадиционализмом». Это мы находим и в процессе конструирования антифеминистского дискурса.

«Это ваше дело и ваш выбор, но потом не обижайтесь, что у вас семьи нормальной нет, ибо все заповеди и истории древности говорят, что женщина - хранительница очага, а мужчина – добытчик».

При этом тема традиции зачастую переходит в идею *ностальгии*. Описывая нынешних женщин, антифеминисты апеллируют к более ранним временам, причём не реальным фактам, а опять же к представлению о том, что было раньше. Женщины в настоящее время определяются как неспособные делать то, что делали их предки. В целом, для антифеминистского дискурса свойственна *ретроспективная модель времени*, в которой взгляд обращён к прошлому и через прошлое анализируется настоящее.

Так, мы определили, что дискурс неравенства отчасти конструируется через концепции выбора и ответственности, которая возлагается на женщину, отчасти через

референции к традиции и тему ностальгии. Далее, мы рассмотрим, как дискурсивно оправдывается доминирование мужчин через историческую, биологическую и псевдонаучную аргументации.

«И что, вы хотите сказать в в Древней Греции и Древнем риме не было отъявленных феминисток? они просто тогда так не назывались, одна Клеопатра чего стоит... у женщин были мальчики наложники, их позволяли себе женщины вдовы богатых мужей и т.д. и т.п. Вспомните Садом и Гомору. Города по уши были феминизированы».

Во фрагменте представлен исторический тип аргументации. Далее в нём феминизм определяется как причина падения Древнего Рима и Древней Греции. Библейский сюжет Содомы и Гоморры также используется для мифической аргументации против феминизма.

Идентичность феминистки сопряжена с представлением об искажении гендерных ролей, поэтому пример псевдонаучной аргументации, представленный ниже, показывает, как необходимо с помощью психотерапевта исправлять неверные идентичности.

«сходить к хорошему психотерапевту(мужского пола, естественно), который бы вправил мозг и рассказал про эти самые гендерные роли, короче вылечил женский инфантилизм».

Теперь рассмотрим пример биологической аргументации.

«Просто,если женщина знает своё место,то она никуда не уйдёт.Потому,что ей природой заложено – рожать»

Женщина изображается, как более низкая по отношению к мужчине в силу биологических характеристик. Неравенство оправдывается через представления о гендерных ролях, обусловленных природой. Тесно связана с биологической аргументацией и тема *сексуальности*, которая также является одной из образующих антифеминистский дискурс. Надо отметить, что все темы, которые мы выделяем в работе, наслаиваются друг на друга – дискурсивные практики образуют сложное переплетение, воспроизводя, в конечном счете, антифеминистский дискурс. Тема сексуальности преимущественно обсуждается через проблему сексуального насилия, в рамках которой происходит десубъективизация насильника и переложение ответственности на женщину. Сексуальное желание конструируется как неотъемлемая часть мужчины, с которой женщине нужно считаться.

«От вас требуется нормально одеваться чтобы не провоцировать мужчины на изнасилование. Отучить мужчины от бессознательного поведения по отношению к женщинам не возможно, это как попросить волка стать вегетарианцем.»

Сексуальность определяет; что значит быть мужчиной, а что значит, быть женщиной. Для антифеминистского дискурса характерно очень строгое представление о гендерных ролях в рамках патриархальной традиции.

«А то, что ты и остальные феминистки пытаетесь убедить всех женщин планеты в том, что патриархат негоден и давно заржавел, то ты ошибаешься. Сами замужние женщины вас посылают куда подальше».

Более того, феминистски автоматически являются теми, кто не соответствуют в представлении антифеминиста этим гендерным ролям. Феминистка является стереотипным лейблом для данного дискурса, который активизирует представления о движении чайлдфри и лесбийской идентичности.

«а ничего, что ты лесбиянка и с такими вопросами, касательно отношений, берёшься делать корректировки? Для гетеро-семьи не нужны проповеди лесбиянки. Уж, поверь. Женщина любит мужчину, мужчина – женщину».

При этом любое описание происходит через стереотипные паттерны поведения (кухня для женщин, армия для мужчин), а также через псевдоафористические высказывания:

«Мир состоит из двух половинок, инь и янь, между которыми должна быть гармония. Мужчина должен быть мужчиной а женщина женщиной, третьего не дано».

Через стереотипные паттерны поведения также выстраивается оппозиция «нормальная женщина» - «феминистка»:

«Нормальные женщины не считают обременительным заниматься с ребёнком и делать домашние дела. Это ты ленивая жопа, которой скучно сидеть дома и она хочет шляться».

Ещё одной важной темой в антифеминистском дискурсе, которую мы выделяем, является *объективация* женщин. Мизогинные термины разного характера соседствуют с различными требованиями к женщине (её внешнему виду, возрасту, поведению).

«В первую очередь, он убил шлюху. В морально-этическом плане он молодец»

В женщине отрицается личность и индивидуальность.

Гендерная идентичность особенно важна для нашей работы. Изначально мы предполагали, что именно она будет связана с представлением о феминистской идентичности в изучаемом нами дискурсе.

«Да никто скоро хотеть не будет из-за всеобщей доступности, в мужчинах умрет мужское(появятся гомики, педафилы. и другие извращенцы) - и появятся они только потому, что женщины станут феминистками, потеряют свою природную привлекательность. Общество гемофродитов».

Приведённый фрагмент показывает, что в рамках антифеминизма феминистка мыслится как женщина, обладающая извращённой гендерной идентичностью, которая, соответственно, не может привлечь гетеросексуального мужчину. Гомосексуальная идентичность представляется тесно связанной с феминистской идентичностью, при этом она также отвергается. Феминисты и гомосексуалы в данном случае подвергаются через дискурсивные практики маргинализации и социальной эксклюзии.

«А ты спи вон со своей бабой в обнимку.<...>Обе сидите и страдаете недотрахом. Озабоченные и озлобленные феминистки»

Фрагмент показывает, что для участников анализируемых сообществ представление о феминистках автоматически активизирует также штампы об их гомосексуальности.

В отличие от гомосексуальной идентичности, которая ассоциируется в антифеминистском дискурсе с феминизмом, *национальная и религиозная идентичности исключают феминистскую*. Так, религиозность видится, как несовместимая с феминизмом, при этом присущая антифеминистскому дискурсу. В рамках критического дискурс-анализа одним из инструментов является соотнесение дискурсивной практики с социальным контекстом. Поэтому мы можем отметить, что антифеминизм, как идеология, развивающаяся в контексте интенсификации роли церкви, не мог не воспринять религиозность как одну из определяющих характеристик.

«Ты понимаешь что ты не можешь никому говорить о тупости. ты православная феминистка, хоспаде, Ты кричишь о вреде запрета абортв и в тоже время православная))))».

Более того, феминистская идентичность оказывается переплетённой с национальной. Феминизм воспринимается как навязанное Западом движение.

«Я не удивлюсь, если твоя Софи вырастет лесбиянкой. Тем более с такой толерантной мамашей. Вы я гляжу далеко ушли от русских традиций и русской культуры, если волнуетесь о судьбе педерастов.»

Образ Запада конструируется как противоположный России через дискурс антифеминизма и гомофобии.

Тему *гендерной дискриминации* аналитически следует разделить на две составляющих. Дискриминация мужчин как одна из компонентов говорит о том, что именно мужчина в настоящее время дискриминируется как обществом, так и государством.

«закон и система на стороне баб, не зависимо от их адекватности»

Этот дискурс вполне совпадает с феминистскими исследованиями по поводу дискриминации мужчин и насаждению маскулинности в патриархальном дискурсе. Что опять

подтверждает наше предположение о том, что феминизм малоизвестен и разные его направления непонятны.

Отдельное место отведено теме дискриминации со стороны государства; алименты, налоги, армия, более высокий пенсионный возраст – всё трактуется как привилегии женщинам и одновременно с этим дискриминация мужчин. В рамках этой темы также рождаются многочисленные обсуждения о *меркантильности* женщин:

«Свою меркантильность такие бабы мне любят оправдывать тем, что якобы им детей рожать, кормить, поднимать, поэтому мол они и проверяют кандидата на платежеспособность».

Женщина в этом дискурсе рассматривается как сексуальный объект, который сам выбирает продавать себя, своё тело и получать за это деньги.

Вторая же часть дискурса о дискриминации состоит в *отрицании дискриминации женщин*:

«Вы кричите о какой то дискриминации, хотя в России, в правовом поле ее нет, если выходит за рамки закона-преступление. Жертвами преступлений становятся не только женщины, к дискриминации это не имеет отношения. Вот если тебя не берут на работу, потому что ты женщина, хотя ты образована и компетентна, то это дискриминация».

Интересно, что в антифеминистском дискурсе мы находим не только оправдание неравенства, но, напротив, тема оказывается проблемной для участников групп в “ВКонтакте”. Более того, сама современная ситуация называется матриархатом.

«Не секрет, что мужчин сегодня воспитывают в матриархате, с пелёнок внушая, что женщин бить ни в коем случае нельзя, даже ради спасения собственной жизни, а если ударил – то не мужчина»

Наконец, мы обратимся к анализу непосредственно языка, а не смыслов, которые скрываются за высказываниями.

Для антифеминистского дискурса характерны различные мизогинного характера неологизмы, например, по отношению к женщинам, в целом, «шкура», «вагиномрази», к феминисткам - «феминофашистки», «фемизьяны», к невественницам – «порванки», «дешлюхизировать [общество]».

Другой важной чертой является аргументирование через бинарные оппозиции. Как мы уже говорили, в данном контексте гендерная идентичность определяется в патриархальной традиции, так, появляется образ шахты/армии как элемент свойственный мужской роли и кухня как свойственный женской:

«Так что либо равенство и баба в шахте, или патриархат и женщина на кухне»

«Не хочешь посуду мыть - лезь в шахту».

Само слово «феминистка» в данном дискурсе наделяется негативными коннотациями, становясь оскорблением:

«– Михаил, вы хам.

– Нина, а ты кто? А ты феминистка! Это уже звучит, как болезнь, поскольку нормальные люди, которых большинство (м и ж), этим не страдают».

Онлайн-коммуникация позволяет модерировать дискуссию, исключая её участников из сообщества. Также она даёт возможность людям не вступать в дискуссию, при этом выражая своё мнение, проставляя «лайки» к комментариям. Как оказалось, мы встретили не только текстовую коммуникацию, но и визуальную: участники для того, чтобы аргументировать свои слова, высылают картинки и видео, что значительно упрощает коммуникацию, позволяя просто сослаться на определённый текст, через который и происходит аргументация:

«Да вы просто экстремистки-сексистки-маньячки-мужененавистницы!!! <...>А вот видео,подтверждающее мои слова!Что вы делаете,это уже далеко не равные права - это ущемление противоположного пола всеми доступными способами и втапывание его в грязь!!!»

Надо отметить, что само понятие «феминизм» (и «феминистка», соответственно) настолько стигматизировано, что слова девушки, которая называет себя феминисткой, отрицаются. Оппонент пытается донести через видео, что, на самом деле, она думает совершенно иначе, а феминизм совсем не такой, каким она себе его представляет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблемой данного исследования являлся факт, что в настоящее время существует тенденция интенсификации антифеминистского дискурса, который стигматизирует феминисток как социальную группу и разделяет ряд предубеждений относительно феминизма как идеологии. Однако при этом в России происходит «неотрадиционалистская» тенденция в определении гендерных идентичностей и ролей. Мы хотели понять, как именно способы аргументации использует антифеминизм. Будучи идеологией неравенства, антифеминизм конструируется дискурсивно, поэтому нам было важно показать, как дискурс рождается непосредственно в коммуникации. Качественный онлайн-метод дискурс анализа позволил нам это сделать. Мы исследовали ряд сайтов антифеминистской направленности и 40 дискуссий в социальной сети «ВКонтакте». Так, мы показали, какие предубеждения относительно феминизма существуют и как они конструируются.

Репрезентации феминизма в общих чертах вписываются в дискурсы *угрозы матриархата, угрозы гетеросексуальности, угрозы традиции и лжи*. Для антифеминистского дискурса характерно представление о феминизме, как о радикальной идеологии, которую иногда называют «экстремистской», целью которой является переделка всей патриархальной системы с последующим доминированием над мужчинами.

Антифеминистские дискурсивные практики позволили нам проследить, как возникают эти репрезентации. Для антифеминизма концепция выбора и сопряжённая с ней идея ответственности оказываются крайне важными, через них определяется поведение женщины. Женщина имеет право делать всё и имеет любые возможности, а её жизненная траектория – результат собственного воления. В частности, через эти концепции объясняется физическое и сексуальное насилие над женщинами.

Для антифеминистского дискурса характерна ретроспективная модель времени, его участники апеллируют к традиции и ностальгируют по тому, как было раньше. Традиция определяет как гендерную, так и сексуальную роль, приписывающуюся женщине. Это объясняется и тем, что Здравомыслова и Тёмкина называют «неотрадиционализмом». В настоящее время вновь возникают референции к традиции, о том, как должно быть. Однако в антифеминистском дискурсе мы не обнаружили референций к церкви. При этом патриархальные ценности легитимируются историческим и биологическим способом аргументации. Нам также важно отметить, что феминистская идентичность стигматизируется и само слово используется как оскорбление. При этом вместе с понятием зачастую активизируются и иные стереотипы о феминистках как о лесбиянках и сторонниц чайлдфри движения. Интересным результатом анализа является то, что мы и предполагали: национальная идентичность оказывается тесно переплетённой с феминистской и гомосексуальной. Две последние конструируются дискурсивно как «западные», «чужие», не приемлемые для российского контекста.

В целом, когда мы начинали работать с полем, основным предложением было то, что действительные идеи феминизма в представлении россиян оказываются искажены и не поняты, а также то, что это искажение происходит, во-первых, как уже было сказано, из-за того, феминизм конструируется как «чужой», навязанный со стороны («западный»), а, во-вторых, благодаря распространению информации об акциях радикальных феминисток. Действительно, идеи феминизма оказались перевернуты и искажены. Идея равенства заменяется в антифеминистском дискурсе на идею доминирования над мужчинами, что ещё раз подтверждает то, что идеи феминизма оказываются неизвестны, так как одной из феминистских проблем является маскулинность и угнетение мужчин гендерными

стереотипами. Также, сторонники антифеминизма полагают, что эта идеология навязана Западом и несёт в себе угрозу традиционным ценностям – гендерным идентичностям, патриархально определённым, и гетеросексуальности. Репрезентации феминизма также содержали отсылки к радикальному феминизму, что, видимо, и являлось решающим в конструировании представлений о движении.

Таким образом, в антифеминистском дискурсе сталкиваются два подхода: **традиционалистский** и **неолиберальный**. То есть, с одной стороны, в рамках традиционалистского подхода и женщины, и мужчины, оказываются детерминированными биологическими характеристиками, а патриархальный строй есть идеальное распределение прав и обязанностей; с другой стороны, неолиберальный подход говорит о том, что на данный момент все уже равны между собой, а женщины иногда даже занимают доминирующую позицию, так как являются самостоятельными и субъектными, ставя мужчин в подчинённое и детерминированное положение.

Критический дискурс-анализ в рамках подхода Нормана Фэркло позволил нам выявить устойчивые оформленные репрезентации феминизма, которые встречаются в текстах, а также рассмотреть коммуникативные события в онлайн-дискуссиях и проанализировать антифеминистские дискурсивные практики. В конечном итоге это позволило нам показать, какие репрезентации имеет феминизм в рамках антифеминистского дискурса и как они конструируются. Отметим, что изначально мы предполагали, что репрезентации феминизма в односторонней онлайн-коммуникации (веб-сайты) будут отличаться от репрезентаций, рождающихся в двухсторонней коммуникации (социальные сети, в данном исследовании – “ВКонтакте”). Однако нам этого обнаружить не удалось, репрезентации оказались одинаковыми в общих чертах. Мы можем предположить, что это происходит в результате тесно связанных процессов восприятия и последующей интерпретации антифеминистского дискурса, при этом данный тезис требует дальнейшей теоретической доработки.

В заключение хотим отметить, что проблема работы нова для академического пространства и теоретически не разработана, несмотря на отмечаемую интенсификацию антифеминистского движения в последние годы. В теоретической части мы писали, что социальная идентичность может определяться как «временная привязанность к субъектным позициям, которые конструируют для нас дискурсивные практики». В рамках данной работы мы не ставили себе цель показать, как дискурсивно конструируется антифеминистская идентичность, однако данная проблематика кажется нам требующей дальнейшего изучения. Мы надеемся, что наша работа, в которой была предпринята попытка описать

антифеминистский дискурс, сможет внести вклад в исследования антифеминистской идентичности и социологию идентичности в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Девятко И.Ф. *Социологические теории деятельности и практической рациональности*. М.: «Аванти плюс», 2003. С.100.
2. Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А., *12 лекций по гендерной социологии : учебное пособие* // Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2015. Стр. 37.
3. Anderson K. J., *Modern Misogyny: Anti-Feminism in a Post-Feminist Era* // Oxford University Press, 2014.
4. Chaplin T., *Lesbians Online: Queer Identity and Community Formation on the French Minitel* // Journal of the History of Sexuality, Vol. 23, No. 3, 2014.
5. Makarychev A., Medvedev S. A., *Biopolitics and Power in Putin's Russia* // Problems of Post-Communism. 2015. Vol. 62. No. 1. P. 45-54.
6. Occhipinti L., *Two Steps Back?: Anti-Feminism in Eastern Europe* // Anthropology Today, Vol. 12, № 6, 1996. Pp. 18.
7. Reisigl M., Wodak R., *Discourse and Discrimination: Rhetorics of Racism and Antisemitism* // Routledge, 2001. P.1.
8. Riabov O., Riabova T., *The Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism, and the Legitimation of Power Under Vladimir Putin* // Problems of Post-Communism, Vol. 61, No. 2, 2014. Pp. 27.
9. Rodat S., *Cyberqueer – Major Topics And Issues In Current Research* // Revista Romana de Sociologie, Vol. 25, Issue 5/6. 2014. Pp. 429-442.
10. Sremac S., Ganzervoort R. R., *Religious and Sexual Nationalisms in Central and Eastern Europe: Gods, Gays and Governments* // Brill Academic Publishers, 2015. PP.188.
11. Szelewa D., *The second wave of anti -feminism? Post-crisis maternalist policies and the attack on the concept of gender in Poland* // Gender, Equal Opportunities, Research, Vol.15, №2, 2014. Pp. 33-46.